

Н. Я. Грот

**Еще по поводу вопроса о
психологии чувствований**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
Г89

Г89 **Грот Н.Я.**
Еще по поводу вопроса о психологии чувствований / Н. Я. Грот – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 41 с.

ISBN 978-5-458-53806-0

ISBN 978-5-458-53806-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

явленія и даже предметы видимаго міра недоступны чувствамъ, потому что они вовсе не существуютъ. Да и самыя чувства существуютъ ли съ точки зрѣнія Шопенгауэра? Для чистыхъ идеалистовъ и собственный организмъ нашъ есть лишь представленіе, а если такъ, то на какомъ основаніи вообще г. Козловъ различаетъ то, что доступно чувствамъ отъ того, что недоступно имъ? Но пойдемъ далѣе. По мнѣнію г. Козлова, если уже допустить, что психическія явленія аналогичны фізіологическимъ процессамъ, то надо признать что они аналогичны и явленіямъ потому, что и явленія (напр. роста, пищеваренія) происходятъ въ организмѣ, какъ и процессы (роста, пищеваренія). Этого мы и не отрицаемъ. Подъ явленіями внѣшняго міра, которыя *несходны* съ явленіями психическими, мы разумѣемъ лишь явленія неорганической природы. Въ организмѣ же всѣ явленія мы считаемъ лишь обнаруженіями фізіологическихъ процессовъ. Г. Козловъ недоумѣваетъ, можно лишь вообще сравнивать и находить аналогію между явленіями и процессами. Но въ томъ то и дѣло, что въ примѣненіи къ органической жизни мы находимъ неточнымъ понятіе «явленія» и ищемъ замѣнить его болѣе точнымъ понятіемъ «процесса». Въ наукѣ о физической жизни организма эта замѣна давно совершилась и мы предлагаемъ совершить ту же самую замѣну одного термина другимъ (болѣе точнымъ) и въ наукѣ о психической жизни организма, такъ какъ психическая жизнь организма слѣдуетъ тѣмъ же общимъ законамъ, какъ и физическая.

Но всѣ изложенныя недоумѣнія г. Козлова еще ничтожны. Высшаго пункта недоумѣніе его, по собственному его признанію, достигаетъ лишь тогда, когда онъ читаетъ, что «психическія явленія представляютъ *измѣненія въ организмѣ*». По этому поводу онъ патетически восклицаетъ «да неужели можно *точно и научно* утверждать, что мысли, чувствованія, желанія находятся въ организмѣ и приурочены къ его тканямъ?» На это мы въ свою очередь отвѣтимъ вопросомъ г. Козлову: «да неужели можно еще и въ наше время человѣку науки утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Козловъ (стр. 34 и 37), что психическіе процессы *не* происходятъ въ организмѣ, что они *нигдѣ* не происходятъ, ибо они не находятся въ пространствѣ, а существуютъ только во времени?» Намъ кажется, что не наше воззрѣніе, помѣщающее психическую дѣятельность въ организмъ и въ мозгъ, а скорѣе противоположное воззрѣніе, что психическіе процессы не происходятъ нигдѣ, «наивно и показываетъ неразвитость мысленія.» Какъ скоро точными научными опытами уже доказано что разстройство и отчасти даже полное уничтоженіе всѣхъ дру-

гихъ органовъ тѣла, взятыхъ порознь, кромѣ головного мозга, неспособно нарушить правильный ходъ психической жизни и что, наоборотъ, болѣзненные измѣненія въ одномъ этомъ органѣ вызываютъ потерю или извращеніе сознанія, то мы вправѣ не только помѣстить психическую жизнь въ организмъ (ибо внѣ организма мы никакой психической жизни никогда не наблюдаемъ), но и приурочить психическіе процессы къ извѣстнымъ опредѣленнымъ тканямъ организма, т. е. къ мозгу. Конечно можно спорить о томъ, *каковъ* самый механизмъ психической дѣятельности въ мозгу, можно предполагать, что въ мозговыхъ процессахъ участвуютъ какія нибудь особыя силы, намъ неизвѣстныя и непереводимыя въ другія силы—такъ называемыя физическія, которыя наука научилась по своему усмотрѣнію воспроизводить и перемѣщать. Такое предположеніе, хотя и не вполне вѣроятно, тѣмъ не менѣе возможно при современномъ состояніи знаній, по отрицать, что психическая дѣятельность совершается въ *организмѣ* и даже въ предѣлахъ извѣстныхъ его органовъ въ наше время смѣшно и дико. Г. Козловъ думаетъ, что если сказать, что психическія явленія происходятъ *во времени*, то этимъ самостоятельная природа ихъ уже доказана. Но можно ли доказать, хотя какими нибудь отдаленными аналогіями изъ другой области фактовъ, что то, что совершается во времени, можетъ совершаться нигдѣ, внѣ пространства? Отдѣленіе времени и пространства возможно только при помощи метафизической абстракціи. Въ дѣйствительномъ нашемъ опытѣ никакихъ данныхъ для этого отдѣленія нѣтъ: всѣ тѣ реальныя явленія, которыя мы наблюдаемъ во времени, непременно должны быть приурочены къ извѣстной точкѣ пространства, имѣющей болѣшую или меньшую опредѣленность. Такъ напр. психическая жизнь и умственная дѣятельность самого г. Козлова непременно совершается въ предѣлахъ того организма, которому люди дали книжку «г. Козлова, доцента кіевскаго университета» и, если г. Козловъ мѣняетъ мѣсто, то вмѣстѣ съ нимъ мѣняетъ мѣсто и его психическая дѣятельность: въ томъ пространствѣ, гдѣ нѣтъ организма г. Козлова, умственная дѣятельность г. Козлова не можетъ совершаться. Неужели же можно серіозно утверждать, что въ то время, какъ г. Козловъ читаетъ лекцію въ зданіи кіевскаго университета, его психическая дѣятельность совершается не въ пространствѣ, занимаемомъ кіевскимъ университетомъ и въ частности организмомъ г. Козлова въ одной изъ аудиторій этого университета, а внѣ его—вездѣ и нигдѣ, напр. въ кабинетѣ его квартиры или можетъ быть даже на Пулковской астрономической обсерваторіи близъ Петербурга?

Стремясь въ своемъ сочиненіи научно опредѣлить элементы психическаго процесса, его общій составъ, мы ищемъ для этого опоры въ наукѣ о жизни вообще, т. е. въ біологіи, и находимъ такую опору въ извѣстномъ опредѣленіи науки, предложенномъ Гербертомъ Спенсеромъ. Г. Козлову этотъ пріемъ не нравится. Онъ думаетъ, что для установленія различій между классами психическихъ явленій нѣтъ ничего надежнѣе внутренняго опыта; но при этомъ вовсе не трудится опровергнуть тѣ аргументы противъ надежности внутренняго опыта, которые мы приводимъ въ своей книгѣ и изъ числа которыхъ самый важный историческій, состоящій въ указаніи на тотъ фактъ, что прежніе психологи, одипаково пользуясь внутреннимъ опытомъ, не пришли въ дѣлѣ классификаціи психическихъ явленій ни къ какому соглашенію. Желая положить конецъ произволу философскихъ школъ, мы принуждены были признать, что научное опредѣленіе жизни вообще и психической въ частности составляютъ единственный правпльный критерій для разчлененія сознанія. По мнѣнію г. Козлова «научнаго» опредѣленія жизни не существуетъ, и въ этомъ мнѣніи онъ ссылается на авторитетъ Клода Бернара, который говоритъ, что понятіе жизни есть послѣднее понятіе, которое можетъ быть опредѣлено наукою о жизни: оно стоитъ въ концѣ ея, какъ идеаль. Мы не станемъ говорить о непослѣдовательности Клода Бернара, который въ другую пору считалъ возможнымъ опредѣлить жизнь даже однимъ словомъ (*la vie est la création*), не станемъ вообще указывать на противорѣчія въ философскихъ теоріяхъ этого замѣчательнаго ученаго (ср. *Chauffard. La vie, études et problèmes de biologie générale*, стр. 105—167). Достаточно сказать, что Клодъ Бернаръ въ указанномъ случаѣ разумѣетъ *конечное* опредѣленіе жизни, связанное съ яснымъ пониманіемъ причины этого явленія и всего ея механизма до мельчайшихъ подробностей, между тѣмъ какъ Спенсеръ даетъ лишь *эмпирическое* опредѣленіе жизни, въ связи съ наблюдаемыми въ *опытѣ* общими условіями и результатами этого процесса. Причинное опредѣленіе явленія можетъ быть невозможно, въ то время какъ эмпирическое опредѣленіе его вполне доступно. Опредѣлить молнію, какъ разряженіе атмосфернаго электричества, нельзя было, пока не было открыто электричество и законы явленій, обнимаемыхъ этимъ понятіемъ, по опредѣлить молнію, какъ большую искру, воспламеняющую предметы, на которые она падаетъ, если только эти предметы воспламенямы, или какъ нибудь иначе, въ связи съ видимыми условіями этого явленія, всегда было возможно. Спенсерово опредѣленіе жизни тоже констатируетъ лишь факты, данныя

въ опытѣ. Оно можетъ не удовлетворять такого пытливаго фізіолога, какъ покойный Клодъ Бернаръ, но оно всетаки правильно, и выводы, которые на этомъ опредѣленіи основаны, тоже правильны. Но мало того, оно также и научно, потому что понятие о «приспособленіи» (внѣшнихъ отношеній къ внутреннимъ), на которомъ оно основано, выработано наукою, хотя и выражаетъ лишь совокупность фактовъ, доступныхъ человѣческому опыту. Такимъ образомъ г. Козловъ могъ бы разрушить основанія нашей классификаціи только въ томъ случаѣ, если бы доказалъ неправильность самого опредѣленія жизни, даннаго Спенсеромъ. Но онъ и не пытается вступить на этотъ опасный путь и искусно обходитъ главный вопросъ. Онъ даже подвергаетъ сомнѣнію компетентность Спенсера, какъ «философа» въ рѣшеніи вопросовъ естествознанія. Но нельзя же серьезно утверждать, что фѣлософъ не можетъ быть знаткомъ и въ области специальныхъ естественныхъ или другихъ наукъ. Г. Козловъ забываетъ, что «философъ» Лейбницъ открылъ дифференціальное счисленіе, что «философъ» Кантъ предвосхитилъ у Лапласа теорію образованія планетъ и т. д. Стараясь всѣми силами опрокинуть основанія нашей классификаціи психическихъ явленій, г. Козловъ указываетъ еще и на то, что мы не вправѣ были опереться на біологію тамъ, гдѣ оказывается невозможнымъ сослаться на авторитетъ фізіологівъ, потому что по его мнѣнію біологія не есть наука самостоятельная и палпа ссылка на широкосравнительные приемы этой науки произвольна. Этотъ аргументъ въ устахъ г. Козлова служитъ лишь доказательствомъ нецѣлостности гг. метафизиковъ. Какъ же возможна философія, какъ наука о мірѣ въ его цѣломъ, если невозможна частная наука о жизни въ ея цѣломъ, независимая отъ еще болѣе специальныхъ наукъ—анатоміи, фізіологій и т. д.? Предположить, какъ это мы дѣлаемъ, что частный синтезъ, дающій содержаніе такимъ наукамъ, какъ біологія, возможенъ, а общій синтезъ философіи есть неосуществимая утопія, не представляется логической ошибкой, ибо можно гдѣ угодно поставить предѣлы научнаго синтеза. Но предположить обратно, что философія, какъ общая наука о мірѣ возможна, біологія же, какъ общая наука о жизни, невозможна,—есть прямое противорѣчіе. Сомнѣваться въ плодотворныхъ результатахъ широкихъ сравнительныхъ приемовъ такой науки, какъ біологія, въ возможности этими приемами опередить специальную экспериментальную науку, подобную фізіологій, можетъ лишь тотъ, кто намѣренно игнорируетъ исторію науки. Не изъ такихъ ли приемовъ возникло гениальное обобщеніе Дарвина, не ими ли пользовался Биша

при открытіи контраста растительныхъ и животныхъ отправления организма и т. д.? Сравнительные приемы служатъ источникомъ всѣхъ плодотворныхъ гипотезъ, въ которыхъ содержатся вопросы для специальныхъ наукъ и которыми опредѣляется направление всякаго спеціальнаго изслѣдованія.

Сознавая вѣроятно, что онъ недостаточно пошатнулъ главныя *основанія* нашего опредѣленія «психической жизни», г. Козловъ особо разбираетъ это послѣднее и старается доказать его несостоятельность. Онъ полагаетъ, что понятие «обмѣна впечатлѣній» между организмомъ и средою не выражаетъ содержанія психической жизни. Духъ, а не организмъ, по мнѣнію г. Козлова, получаетъ впечатлѣнія отъ виѣшней среды. Но то, что духъ получаетъ впечатлѣнія—чистая гипотеза, ибо самое существованіе «духа» для науки гипотетично, а что организмъ получаетъ впечатлѣнія—это несомнѣнный эмпирическій фактъ, ибо глаза, уши и другіе органы чувствъ, будучи частями организма, несомнѣнно служатъ первыми воспреемниками и проводниками впечатлѣній, порождаемыхъ въ сознаніи виѣшнею средою. Сверхъ того научный опытъ удостовѣряетъ, что эти впечатлѣнія оставляютъ слѣды въ нервныхъ центрахъ, т. е. въ мозгу, по тому что въ состояніи совершенной безсознательности организмъ можетъ производить дѣйствія, первоначально возникшія въ связи съ извѣстными сознательными впечатлѣніями. Такимъ образомъ г. Козловъ опять игнорируетъ опытные факты, чтобы на мѣсто нихъ поставить метафизическую гипотезу. Впрочемъ для оправданія своей мысли г. Козловъ ссылается на примѣръ, къ сожалѣнію неудачный: «какъ молотъ не можетъ производить впечатлѣній на желѣзо или наковальню, если мы только не предположимъ у нея духа, такъ и виѣшній міръ не производитъ на организмъ никакихъ впечатлѣній». Г. Козловъ забываетъ, что тѣмъ именно и отличается животный организмъ отъ другихъ тѣлъ въ природѣ, что въ немъ механическіе толчки обращаются въ впечатлѣнія, благодаря тому, что онъ обладаетъ «органами», необходимыми для этого превращенія. Если бы желѣзо имѣло глаза, уши, мозгъ, вообще нервную систему, то и оно испытывало бы впечатлѣнія отъ ударовъ молота. По мнѣнію г. Козлова, впечатлѣніями толчки и движенія виѣшней среды становятся, говоря фигурально, только въ духѣ. А у животныхъ, обладающихъ нервной системой низшей организаціи, толчки становятся впечатлѣніями тоже въ духѣ? Или можетъ быть, по мнѣнію г. Козлова, животнымъ во все не доступны впечатлѣнія? Можетъ быть онъ раздѣляетъ взглядъ Декарта, что животныя—бессознательныя машины или автоматы? Къ сожалѣнію такой взглядъ

давно опровергнуть наукою, поддержка его была бы слишком большим анахронизмом и г. Козлову, для спасенія себя отъ противорѣчій, по-видимому остается только признать, что и у животныхъ, хотя бы самыхъ низшихъ и элементарныхъ, толчки становятся впечатлѣніями только въ духѣ. Но не уронило ли бы такое признаніе самую идею духа, которая оправдывается лишь стремленіемъ возвысигь человѣка съ его высоко нравственными и религіозными влеченіями надъ всею совокупностью другихъ живыхъ существъ, другихъ организмовъ? Если бы идея духа не могла удовлетворять этой цѣли, то она потеряла бы значеніе и давно была бы отвергнута. Идея духа заключаетъ въ себѣ идею безсмертія. Такъ какъ безсмертіе душъ мышей, кошекъ и собакъ, клоповъ, таракановъ и мухъ, было бы черезъ-чуръ уродливымъ и дикимъ предположеніемъ, то признаніе принадлежности духа животнымъ повело бы къ диссоціаціи идей духа и безсмертія, а съ тѣмъ вмѣстѣ идея духа утратила бы всякое обаяніе. Но если такъ, то значить предположеніе, что толчки и движенія внѣшней среды превращаются въ впечатлѣнія въ мозгу и вообще въ нервныхъ центрахъ, въ примѣненіи къ *животнымъ* есть единственно возможное предположеніе, объясняющее генезисъ доступныхъ имъ впечатлѣній. А отсюда въ свою очередь логически вытекаетъ, что и въ человѣческомъ организмѣ, обладающемъ болѣе совершенно устроеннымъ мозгомъ, впечатлѣнія прежде всего образуются въ мозгу, при чемъ ничто не мѣшаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагать, что это образованіе совершается лишь при участіи особой, специально присущей человѣческому мозгу, недоступной уничтоженію, силѣ. Такъ какъ сущность мозговыхъ процессовъ еще не выяснена фязіологами, то такое предположеніе можно поддерживать безъ явныхъ противорѣчій. Поэтому то психологи-эмпирики и воздерживаются отъ окончательнаго рѣшенія вопроса о сущности души столько же въ утвердительномъ, сколько и въ отрицательномъ смыслѣ. Они признають, что вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи знаній. Г. Козловъ однако не хочетъ видѣть, что и мы раздѣляемъ этотъ принципъ эмпирической психологіи, установленный Локкомъ, а открыто упрекаетъ насъ въ матеріализмѣ. Матеріализмъ конечно столь же почтенная философская доктрина, какъ и спиритуализмъ, и упрекъ г. Козюва не имѣлъ бы ничего предосудительнаго, еслибы безусловный матеріализмъ не былъ такой же метафизической гипотезой, какъ и спиритуализмъ. Мы глубоко сознаемъ безсиліе этой гипотезы перейти, при настоящемъ состояніи наукъ объ организмѣ, въ достовѣрное, научно-обоснованное положеніе п

потому упрекъ въ матеріализмъ совершенно нами не заслуженъ. Мы убѣждены, что признаніе мозга мѣстомъ образованія впечатлѣній не предрѣшаетъ еще вопроса о механизмѣ ихъ образованія, и такъ какъ мы нигдѣ не высказываемъ противоположнаго убѣжденія, то г. Козловъ и не долженъ былъ приписывать намъ его. Но г. Козловъ, имѣя пристрастіе къ громкимъ эпитетамъ, не довольствуется обвиненіемъ насъ въ матеріализмъ—онъ прямо навязываетъ намъ наклонность къ метафизикѣ вообще. Въ чемъ однакоже заключаются метафизическія тонкости, въ которыхъ мы грѣшны, г. Козловымъ не выяснено. Онъ просто приводитъ цитату изъ нашего сочиненія, не дѣлая никакихъ комментаріевъ. Такой пріемъ не наученъ: въ немъ сквозитъ надежда, что читатели пожалуй и не разберутъ, что никакой метафизики въ этой цитатѣ нѣтъ, и вѣря на слово г. Козлову, подумаютъ, что и въ самомъ дѣлѣ Гротъ—метафизикъ. Но въ чемъ же дѣло въ сущности? Въ приведенной цитатѣ мы указываемъ на различіе дѣйствія и противодѣйствія въ каждомъ взаимодействіи предметовъ и далѣе на противоположность внѣшняго обмѣна движеній между предметами п внутренней переработки этихъ движеній сообразно съ строеніемъ и свойствами этихъ предметовъ. Оба эти контраста признаются и точною наукою и служатъ аксіомами для физики. Стало быть метафизическій характеръ можно предположить развѣ за гипотезою «превращенія» физическихъ явленій въ психическія, которая безсознательно лежитъ въ основанія нашихъ разсужденій о характерѣ взаимодействія между сознаніемъ и окружающею средою. Такое предположеніе подтверждается тѣмъ, что г. Козловъ вслѣдъ за цитатой переходитъ къ критикѣ означенной гипотезы. Къ сожалѣнію здѣсь все дѣло сводится въ концѣ концовъ къ недоразумѣнію въ словахъ. Мы не знаемъ, какой метафизическій смыслъ придаетъ понятію «превращенія» однихъ явленій въ другія самъ г. Козловъ; но мы лично никакого такого метафизическаго значенія этому понятію не придавали. Превращеніе физическихъ движеній въ психическія для насъ опять есть фактъ эмпирическій, какъ видно изъ приведеннаго нами примѣра превращенія свѣтовыхъ раздраженій, дѣйствующихъ на глазъ и имѣющихъ источникомъ фотографическое изображеніе умершаго друга, въ рядъ психическихъ волненій, мыслей и чувствъ и этихъ послѣднихъ обратно въ извѣстныя сокращенія мускуловъ лица и въ выдѣленія железъ (плачъ объ умершемъ). *Какъ* совершается это двойное превращеніе, мы не говоримъ и во всѣхъ подробностяхъ даже не знаемъ, но что оно происходитъ—отрицать было бы также странно, какъ отрицать вообще причинную зависимость явле-

ній, неизбежно и постоянно слѣдующихъ другъ за другомъ. Г. Козловъ, въ своей полемикѣ противъ разбираемаго понятія, опять ссылается на авторитетъ естествоиспытателя—Дюбуа-Реймонда, отвергающаго положительно всякое причинное отношеніе между матеріальными и духовными явленіями и возможность превращенія однихъ въ другія. Но эта ссылка не убѣдительна: или Дюбуа-Реймондъ разумѣетъ лишь невозможность «объясненія» указанныхъ фактовъ, что и мы признаемъ, или онъ, подобно г. Козлову, позволяетъ себѣ настаивать на достовѣрности метафизической гипотезы, не оправдываемой этими фактами. Въ послѣднемъ случаѣ г. Дюбуа-Реймондъ такой же авторитетъ для насъ, какъ и самъ г. Козловъ, ибо онъ уже выступаетъ изъ роли естествоиспытателя и является въ роли метафизика, съ которымъ каждый воленъ не соглашаться. И такъ разсужденія г. Козлова о невозможности самого факта превращенія и причинной связи физическихъ и психическихъ явленій грѣшатъ противъ истины, если понимать эти термины въ эмпирическомъ значеніи, какъ выраженія извѣстныхъ отношеній явленій, данныхъ въ опытѣ. Если же г. Козловъ даетъ этимъ терминомъ какой-нибудь особый *метафизическій* смыслъ, то зачѣмъ же онъ и намъ навязываетъ такое же толкованіе этихъ терминовъ? Любопытно еще то, что для доказательства невозможности превращенія физическихъ движеній въ психическія, г. Козловъ ссылается на физическій законъ сохраненія силы. По его мнѣнію, еслибы физическія движенія превращались въ психическія, то это значило бы, что часть силы превращается въ *ничто*, а это противорѣчитъ закону сохраненія силы. Но такое разсужденіе можно услышать лишь отъ метафизика! Предварительно г. Козловъ самъ, безъ всякаго основанія предположилъ, что психическія движенія «ничто», а затѣмъ, выходя изъ этого произвольнаго понятія, онъ аргументируетъ при помощи точнаго физическаго закона. Явное *petitio principii*!

Такимъ образомъ всѣ нападенія г. Козлова на наше общее ученіе о характерѣ психической дѣятельности, какъ особой группы «процессовъ въ организмѣ», основаны не на фактахъ и строго научныхъ принципахъ критики, а вытекаютъ изъ цѣлаго ряда метафизическихъ гипотезъ, прямо идущихъ въ разрѣзъ съ нашими научными теоріями. Перейдемъ къ *второму* вопросу, разбираемому г. Козловымъ, а именно о *составѣ психическаго оборота*, т. е. о числѣ и взаимномъ отношеніи *классовъ* психическихъ явленій.

Разсматривая всѣ психическія явленія, какъ моменты одного общаго оборота, мы дѣлимъ ихъ на четыре класса, соотвѣтствующіе четыремъ

моментамъ этого оборота: 1) ощущенія и идеи, 2) чувствованія и чувства, 3) стремленія и желанія, 4) движенія и дѣйствія. Г. Козловъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что эта классификація заключаетъ въ себѣ крупное нововведеніе, состоящее въ отдѣленіи класса движеній и дѣйствій отъ класса стремленій и желаній, между тѣмъ какъ старая психологія сливала явленія этихъ двухъ классовъ въ одно общее понятіе «воли». Но по мнѣнію г. Козлова это крупное нововведеніе недостаточно нами оправдано и обосновано. Этому замѣчанію мы удивляемся. Изъ отзывовъ многихъ лицъ, читавшихъ нашу книгу, мы заключаемъ, что совершенно достаточно обосновали свою мысль, такъ какъ многимъ изъ нихъ наша классификація психическихъ явленій показалась вполне убѣдительною. Притомъ и въ другихъ печатныхъ отзывахъ о нашей книгѣ разчлененіе это не встрѣтило никакихъ возраженій, а въ одномъ даже признано имѣющимъ «глубокое значеніе» (ср. Мысль, 1880, № 6, стр. 173). Но положимъ даже, что для ботѣ глубокомысленныхъ философовъ, какъ г. Козловъ, наши основанія дѣйствительно не достаточны и постараемся опредѣлить, правильны ли основанія, приводимыя г. Козловымъ противъ отдѣленія класса движеній и дѣйствій отъ класса стремленій и желаній. Прежде однако отвѣтимъ г. Козлову на вопросъ его о томъ, считаемъ ли мы открытый нами классъ психическихъ явленій пропущеннымъ другими психологами или неправильно включеннымъ въ другой классъ. Мы считаемъ, что и то и другое вѣрно: этотъ классъ явленій былъ неправильно включенъ въ область явленій воли и тѣмъ самымъ пропущенъ какъ самостоятельный классъ, хотя нѣкоторые психологи, какъ мы и указали въ своей книгѣ, центръ тяжести переносили съ перваго момента дѣятельности на второй, называя явленія воли «дѣйствіями». Г. Козловъ отрицаетъ контрастъ стремленій и движеній, желаній и дѣйствій, какъ раздѣльных моментовъ *психической* дѣятельности. Онъ думаетъ, что подъ движеніями въ отличіе отъ стремленій можно разумѣть только движенія организма и его частей и, подобно французскому психологу Рибо, полагаетъ, что эти движенія могутъ быть доступны сознанію только при посредствѣ мускульныхъ ощущеній, внѣшнихъ и внутреннихъ. Если бы это было вѣрно, то было бы очевидно, что мы неправильно выдѣляемъ въ особый классъ «движеній» лишь одну изъ группъ ощущеній. Прийдя къ такому странному предположенію, г. Козловъ сознается, что можно допустить еще и другое предположеніе, а именно, что онъ самъ не въ состояніи придумать, въ чемъ бы могъ заключаться классъ движеній, соотвѣтствующій особому моменту психического оборота. Это второе предположеніе ока-

зывается единственно вѣрнымъ, и мы постараемся восполнить пробѣлъ въ наблюденіяхъ г. Козлова, благодаря которому онъ не понялъ истиннаго значенія нашей классификаціи.

Представимъ себѣ прежде всего весьма обыкновенный случай, что дѣятельность человѣка состоитъ не въ какихъ-нибудь движеніяхъ его тѣла, т. е. мускуловъ, а въ отправленіяхъ органа, который насколько извѣстно неспособенъ къ мускульной работѣ въ настоящемъ значеніи этого слова. Пусть дѣятельность будетъ состоять напр. въ размысленіи о какомъ-нибудь научномъ вопросѣ. Положимъ я читалъ какое-нибудь сочиненіе по философіи и, прочитавъ извѣстный отдѣлъ книги, получилъ желаніе обдумать вопросъ, поставленный авторомъ и рѣшенный въ направленіи, противорѣчащемъ моимъ идеямъ о данномъ предметѣ. Положимъ даже, для большей наглядности случая, что я читалъ книгу лежа на диванѣ. Желаніе обдумать интересующій меня вопросъ можетъ нѣкоторое время оставаться простымъ желаніемъ или стремленіемъ. Сначала я отсрочиваю исполненіе этого желанія, чтобы отдохнуть и собраться съ силами, затѣмъ на смѣну могутъ явиться какія-нибудь воспоминанія и постороннія размысленія. Я вспомнилъ напр., что черезъ два часа ко мнѣ придетъ пріятель переговорить о дѣлѣ и сталъ размышлять объ этомъ свиданіи. Эти размысленія тѣмъ не менѣе сопровождаются смутнымъ стремленіемъ приступить къ обдумыванію философскихъ разсужденій, усвоенныхъ только-что изъ книги, которую я читалъ. Между этимъ стремленіемъ и стремленіемъ продолжать болѣе интересныя размысленія о приходѣ пріятеля происходитъ борьба. Положимъ наконецъ, что первое стремленіе одолеваетъ и я начинаю обдумывать разсужденія моего философа. Стремленіе переходитъ въ рядъ внутреннихъ движеній, создаваемыхъ не въ силу мускульныхъ ощущеній, которыхъ въ данномъ случаѣ нѣтъ, ибо нѣтъ никакой мускульной работы и вообще не въ силу какихъ-нибудь ощущеній, а также непосредственно, какъ мы сознавали въ себѣ сначала извѣстное стремленіе. Конечно въ переносномъ смыслѣ можно сказать, что мы и стремленіе и чувство и даже самое ощущеніе «ощущаемъ» въ себѣ, ибо иногда подъ ощущеніемъ вообще разумѣютъ всякій актъ сознанія. Но едва ли такое смѣшеніе понятій желательнo. Мы разумѣемъ подъ ощущеніемъ только ощущеніе физическихъ перемѣнъ въ организмѣ и въ окружающей средѣ и классифицируемъ психическія явленія, основываясь на рефлексіи, которую не должно смѣшивать съ ощущеніемъ. Рефлексія же, т. е. сознаніе собственныхъ актовъ сознанія, подтверждаетъ въ такой же мѣрѣ различіе чувствованій и чувствъ отъ